

Александр Гиневский

СИЛА ЕСТЕСТВА

Цель творчества – самоотдача...

**...И тут кончается искусство
И дышат почва и судьба.**

Борис Пастернак

**Для песни пой, не размышляя
кстати ль...**

Игорь Северянин

Фамилию Майзель, это имя отчество: Ася Львовна, - впервые извлёк я из письма Контсантина Кузьминского изрядное количество лет тому. В письме туманно намекалось на причастность Аси Львовны к современной андеграундной поэзии. Оказалось, она была знакома с самим Давидом Даром. Между тем, вскользь было упомянуто и то, что она профессиональный филолог, закончила наш Питерский университет аж в 1950 году.

В заключении письма Кузьминский требовательно настаивал на моём знакомстве с этой тётенькой в интересах «общего дела». Дал понять, что он ждёт моих впечатлений от этого знакомства. В письме были указаны и адрес, и телефон.

Я безоговорочно доверял тончайшему чутью Константина Константиновича, но, честно говоря, то обстоятельство, что тётенька некогда прошла горнило казённого образовательного учреждения, весьма расхолаживало моё желание погрузиться в суть ещё одного пишущего существа. Пожалуй, потому-то Костину настырность я счёл за очередной бзик мэтра.

Однако, по прихоти настроений всевышнего, я однажды оказался у Аси Львовны. В Пушкине, в маленькой, более чем скромной, квартирке на втором этаже небольшого домика. Домик стоял так, что в окна единственной комнатки и кухоньки всё время заглядывало улыбчивое солнце. Оно видело, что, в хозяйском скворечнике, куда не повернись, - уткнёшься в однообразие книжных полок. Видело, что хозяйка весьма нуждается в моральной и физической поддержке. Солнышко всё это видело и... помогало.

Кроме меня, в гостях у Аси Львовны оказались ещё несколько пишущих. Владимир Лапенков - прозаик, литературовед, культуролог. Сергей Ловчановский - прозаик, сочетавший витания в облачных химерах сочинительства с суровостью юридической деятельности. Прозаик Анатолий Михайлов со своей славной женой Леночкой. Как выяснилось, Михайлов ощущал себя продолжателем литературных устремлений Солженицына и Шаламова.

Я был изрядно озадачен тем, что Ася Львовна, несмотря на седины - проявляла искренний, и даже горячий интерес к тому, что делают другие из тех, что помоложе.

Словом, кто-то что-то читал своё, а потом это обсуждалось.

Оказалось, такие встречи проходили регулярно. И я попал в разряд подлежащих «неукоснительному обсуждению».

От тех, кто посещал Асю Львовну, узнал, что она, после университета преподавала литературу в обычной средней школе. В дневной и вечерней. И видимо неплохо преподавала. Во всяком случае однажды, по прошествии ряда лет, в её жилище ввалились два мужика с огромнейшим букетом живых роз. Это были Борис Гребенщиков и Анатолий Гуницкий - создатели «АКВАРИУМА».

Оба, угловато благодарили учительку, которая когда-то вызывала их к доске и требовала прочесть с выражением стих то

Державина, то Вяземского, не говоря уже об Александре Сергеевиче.

Да-а, видать и впрямь неплохо вела свои уроки Ася Львовна. И не только по предмету литературы...

Чуть позднее я узнал, что в своё время она загорелась интересом к творчеству поэта Василия Филиппова. Того Васи, который по выпавшим суровым обстоятельствам жизни, был обречён до конца своих дней избывать судьбу в узИлице психушки.

Усилиями Аси Львовны, на её средства была, наконец, издана основательная книга «Стихотворения Василия Филиппова». 2000 год, издательство «Петербург XXI век».

Казалось бы, какие материальные средства могут быть у советского пенсионера для помощи малоизвестному стихотворцу. Но у Аси Львовны была не только пенсия, был у неё и сынуля Сашенька. Теперь уже известный физик-математик, давно живущий в Америке. Этот математик был внимателен к жизненным и духовным запросам мамули. Запросы эти больше сводились к горячему желанию помогать тем, кто вышел на крутую тропу, ведущую к Парнасу...

На другой год, после выхода, книга стихов Василия Филиппова удостоилась премии Андрея Белого.

Не сразу, со временем, Ася Львовна подарила мне несколько своих книг. Одна из них - книга стихов. Я заметил, что сам автор явно стыдится причастности к «банальному процессу бумагомарания».

Позднее я не раз слышал от неё: «Я не поэт, я учительница...» «Экая скромность... Не старческое ли это кокетство в обёртке банальной дамской экзальтации?..» - думал я, каждый раз, слыша эту фразу. Мне казалось, что человек, говорящий так, боится, пытается избежать «ответственности за содеянное...» Невольно вспоминался Кузьминский со своей сурово-ироничной присказкой: «Слова когда-нибудь накажут...»

Я прочёл её книжки. Прочёл с удовольствием. Особенно тронули меня стихи.

О своих впечатлениях от прочитанного регулярно «отчитывался» перед автором. Был рад видеть живую улыбку Аси

Львовны, когда моё суждение «попадало в точку». В ту самую, которую каждый автор видит как личное «самобытное достижение». Но пока этого не увидел читатель, удовлетворение автора, как это известно, сомнительно-туманно, и упование неизбыточно теплится где-то в глубинах души.

И вот два года назад не стало Аси Львовны. Ушла она от нас 1 февраля 2013 года.

Не стало поэта, не стало сильного человека, преодолевшего суровую жизнь своего времени. Прошедшего по ней с достоинством, с неизбыточным желанием бескорыстно помочь ближнему. Не сломившегося под натиском суровых обстоятельств, сохранившего критерии порядочности. Сохранившего невольное удивление и радость, от ощущения, от осознания бесконечного разнообразия МИРА, дарованного каждому из нас, за единственную заслугу однажды выкарабкаться из чрева матери...

Иногда я достаю книгу стихов Аси Львовны. Неказистый бумажный переплёт. Название «ДНЕВНИК (1961 - 1976)». Какое сухое, какое аскетическое название для книги пронзительной лирики?.. И даже посвящение Давиду Яковлевичу Дару не гасит невольное, самое первое впечатление.

Подзаголовок «Петербургские мемуары», С-Петербург, 1994. Составитель Галина Георгиевна Зяблова. Издательство - некий «Киноvideотехнический колледж». Видать, какая-то случайная конторка того времени...

Читаю-перечитываю с ощущением душевной неловкости: ведь только сейчас по-настоящему улавливаю всю глубину авторского проникновения в трагизм человеческого существования. Испытываю буквально потрясение от этой неподдельной, щемящей любви к родине, выраженной так просто, так невольно, так по-своему и с такой силой...

Я и при жизни Аси Львовны улавливал эту ипостась трудов поэта, - её верлибров, лишённых «завитушек рифм и ритмов». Но улавливал как-то больше рассудком и не в той мере. А тут...

Что ж, к делу.

Ася Львовна Майзель родилась в Белоруссии. В глухом сельце Любань под Слуцком. В 1927 году. Отец - Лев Гаврилович был

лесником, мать - Рахиль Марковна - занималась домашним хозяйством.

В первый же день войны Рахиль Марковна, женщина энергичная и решительная, взяла последнюю буханку хлеба, одела потеплее обеих дочек Асю и Галю, и пошли они пешком на восток.

Лев Гаврилович на тот момент был мобилизован рыть окопы.

Все выжили. Женщины, после долгих и тяжких скитаний оказались в Свердловске. Там-то Ася Львовна и окончила среднюю школу с отличием. Поступила в Университет.

Позднее, по сложившимся обстоятельствам, перевелась она в Ленинградский университет. Закончила его, став филологом по образованию и по призванию. Вся её дальнейшая жизнь была связана с Ленинградом-Петербургом, с Царским Селом.

По сути дела стихи «ДНЕВНИКА» - это подведение итогов прожитой, той, что уже за плечами - жизни. И реализуется это подведение в те самые минуты озарения, когда приходит глубокое осмысление увиденного и пережитого.

Испытывая горячее желание поделиться с другим возможным читателем, я буду, в дальнейшем, приводить стихи и строки из них. Буду выделять то самое, что особо остро и самобытно выражает чувства поэт. Выражает столь конкретно и очевидно, что мои комментарии оказались бы не только лишними, но, пожалуй, и неуместными. Буду лишь подчеркивать самое-самое, на чём хотелось бы задержать внимание любого, заглянувшего в этот текст, желающего вникнуть в приводимые мною стихи.

Я дружу с теми...

Я дружу с теми,
кто душою прям,
кто не умеет вилять и метать петли,
кто не лоснится,
как масляный пирог,
кто не устал дивиться тайне
листа, гнезда, облака,

кто знает тысячи таких
 маленьких тайн -
и как встряхивать землю на лопате,
чтобы она пухом ложилась
для будущих урожаев.
 Но охотнее всего с теми,
 кто измаялся,
 кому нужно
 как ребёнку - молоко,
 мужчине - крепкий глоток,
 женщине усталой - ласка.
 Я - молоко, я - вино, я - ласка,
я - полный стакан надежды.
 И если они принимают
 мои дары,
в душе моей благодарной
зацветает солнце.

Отцовский продан дом

Отцовский продан дом.
 Угрюмой пилигримкой
 Стою у дорогих ворот.
 Отцовский продан дом -
 Как это больно...
 На этом топчане под вишнями
 суженого обниму, бывало, мужа,
 в год нашей свадьбы...

.....
 ...И вот я заберусь на сеновал,
 и там читаю книжку,
 или смотрю на потолок,
 иль изучаю паутину,
 в которой солнце
 играет, как зеркальный зайчик...

...А вечером, когда закат окрасит небо,
на скамейке,
которую Бандура, наш сосед, поставил,
все соберёмся: здесь и Ева Бандурова,
и старая Бандуриха сама,
и тётя Настя, и Ольга шуба,
и Саша, которая за словом
никогда в карман не лезла,
а ругалась так, что боже упаси...

.....

...Как много может дать душе скамейка.
...Одно мне душу лечит:
Наш дом купил крестьянин.
Он сбережёт,
Не даст в хлам развалиться...

Памяти их...

...Хаим и Гинда отвели Минну с Эммой
в Кастюши.
Деревня глухая,
может немцы до неё не доберутся.
Там - погибли.
А эти - здесь погибли.
Мужчин сразу побрали.
Женщины...
Люба Радунская погибла вместе с матерью -
были расстреляны на своём дворе.
Нахама Беньёмина погибла вместе с матерью.
Геня Доброборская погибла вместе с матерью.
- А ці мала рускіх загінулі...
(а мало разве русских пропало...) -
Говорит Зина.
В Амговичском районе

Деревня Старева -
 признали, что там партизанский район.
 Вызвали карателей.
 Людей попалили.
 Дома попалили.
 - Асталіся адні колодзезі
 (остались одни колодцы), -
 говорит Зина.
 Вместо домов теперь стоят кресты.
 Много таких деревень.
 Которые деревни понаселились,
 которые так остались.

* * *

Ливень.
 Ветер косой,
буран цепкорукий
 крыши с домов посрывал,
 яблоню кинул на землю,
 как репу,
 сосны с корнями повырвал,
 двух аистят из гнезда
 в картофляник закинул,
 гнездо - дом аистиный,
 плюхнул...

Страх

...и имена таинственные:
 Пчѣвжа,
 Ингари,
 Будогощь,
 такие же прекрасные,
 как - Ареса,

Верхутино,
 Уречье,
Все, как в навечно кинutom
Уголочке земли...

Луг, любимый поэтом

В чужой стране,
 В Эстонии прекрасной
 У озера стою.
 В зеркало озёрное
 девочка глядится,
 ребёнок огромноокий,
 а рядом
 её отец горячим взором
 охватил гор полукружье.
 Какие лица!
 И чудятся мне
 первые евреи,
 шумеров царство покинувшие,
напрягшие свой путь
к звезде далёкой...

В гостях у матери

Как трудно писать того портрет,
 с кем связан не случаем,
 любовью или страстью,
но потаённым чувством -
силой естества.

.....
 ...В руке подойник
 и пена молока на сетке марли.
 Бежит
 (от немцев)

Босые ноги потрескались -
Детей спасать.

.....

...У меня в гостях.
Собиралась жить долго,
одеяло взяла и зимнее пальто,
а через две недели обратно едет,
наверно, словом обидела её.

Строки любви (мгновения)

4

...Я люблю ваше лицо,
седые космы волос,
мгновенную, как молния, улыбку.
Но странно,
руки вашей не помню.
Дайте её мне,
не бойтесь.
Я беру её в свои руки,
какое напряжение в руке!
Не бойтесь, поверьте,
глажу...
Ещё, ещё,
обволакиваю своим телом,
вот так,
теперь хорошо...
Теперь я отдохну на вашей руке.

Для меня
 вы неподсудны,
даже мысленно не позволяю ропоту
сорваться с губ.
Ладони памяти протягиваю к вам
только для того,
чтобы поцеловать вашу руку...

13

...О, если бы мой крик
 проник в твоё окно
 белым печальным облаком,
 вошёл в твой слух,
 и ты бы вспомнил
 мой первый приход
 и свои ласкающие глаза.
 Неужели настанет
 такая минута,
 неужели настанет,
 когда я, наконец, не закричу,
 вспомнив тот день.

23

Я была весёлым человеком
 на земле живых,
приветом глаз немягких одаряя,
 пристально я на людей глядела,
 в сердце принимала.
Ну - а плакала,
то только с белой тетрадной страницей,
синюю тетрадкою в линейку.
Но не знала,

КАК ЗОВУТСЯ ПЛАЧИ,
И ПРИВЫЧНО НАЗЫВАЛА ИХ -
СТИХИ.

На все приведённые мною стихи, у автора лишь один восклицательный знак. Именно в этом стихотворении.

Какова сдержанность не эмоций, а их «показа», «демонстрации». И это в стихах, выражающих восторг от причастности к Бесконечному Миру Бытия... Впрочем, как мне кажется, ощущение от сдерживаемых чувств только наводит на мысль о бескорыстии авторских усилий.

Восславлю

Л.

Восславлю
 тепло постели,
 когда касается бедро бедра,
 и разливается тепло по жилам,
 и касаются пальцы,
 и ясен взор женщины,
 свет в лице её,
 доброта в сердце её.

* * *

В вагон метро
 вошли четыре девушки-вьетнамки
 с короткими чёрными косичками

некрасивые,
 три из них -
 маленькие щупленькие,
 четвёртая -
 маленькая и полная.
 девушка в жёлтой кофте
 обняла девушку в розовом
 и положила голову ей на плечо,
 девушка в вишнёвой курточке,
 согнув кисть руки,
 подняла кулачок к губам
 и задумалась,
 маленькая полная
 разговаривала с пожилой женщиной,
 смеясь некрасивым ртом.

А вместе

они являли собой группу,

исполненную пластики

тончайшего очарования.

На ветру времени

(мгновения)

2

...сгустились сумерки,
 Вместо того чтобы сказать:

Сгустилась грусть.

5

...В чёрном
 я приходила всегда,
 чтобы бедность его не нарушить,

в чёрном
я приходила к нему,
чтоб не ткань,
а глаза мои видел.

День в лесу с Антониной Михайловной

8

Каждая травка
запах имеет,
и форму,
и голос,
и цвет.
Знает,
когда ей взойти
и цвести.

А когда ей со светом проститься,
знает ли это? -
Или, как мы,
хочет мгновение
длится.

* * *

Два раза,
когда ты меня прогнал
и когда ты умер,
ты показал мне,
что смерть бывает не страшной, -

как о ней думает неведение, -
 а простой и желанной.
Ты показал мне
(первый раз, может быть, мимоходом,
второй раз, может быть не желая),
глубины жизни,
а потому
смею
простые истины
вплетать в узор Искусства
без ухищрений,
с подобающим смирением...

Как это тонко замечено! Да, смерть неотвратима. Но какова мудрость Природы?! Она не только примеряет нас с мыслью о нашем уходе, но делает этот уход желанным. Правда, жестоким способом: отнимая у нас и малейшие силы желания плыть дальше среди живых...

Потоком уносит

З
 ...Рука создана,
 чтобы готовить пищу,
 купать ребёнка,
 притягивать к груди
 ласкаясь...
Боже, не дай ожесточиться
моей руке,
 когда с неё сорвётся удар,
 пусть ей будет больно
 и сегодня,
 и завтра

и долго,
о, Боже, Боже Великий...

* * *

Обычайшее слово
приношу на
на алтарь твой,
Поэзия.
Простой
домодельный сосуд
под северным небом.
И он сияет
(пусть сияет)
переливами цветными
будто оболочка радуги.

Девушка в белой кофточке С воланами

Я поднимаю глаза
и вижу
девушку
в белой кофточке с воланами
и с очень открытым вырезом на груди.
У девушки впалая грудь,
ключицы выдаются вперёд,
а глаза
прелестно нежны,
задумчивы и томны.

На ней простая обувь,
простой синий плащ,
скорее всего

она рыбачка
или
из их среды.

Её облик
будит во мне
чувство потери.
Мне грустно,
и я помещаю
образ девушки
в белой кофточке с воланами
в дом стихотворения,
чтобы вспомнить её,
когда
загрущу.

Вот ещё одно глубокое, пронзительное стихотворение:

* * *

Цветут маки.
Ой, красотища!
Красота!
Цветут маки
в огороде Никифора Шилы,
который знал Бажон,
как свои пять пальцев
и всегда находил в лесу
делянки с корчами,
богатыми смолой,
чтобы безотказно
работала смолокурня.

Он дружил с моим отцом
полвека,
а, может, поболе.
Они вместе
вдоль и поперёк
исходили Бажон.
А был случай -
блуждали,
но вышли на свет Божий.
Нашли при блуждании
пребогатеишую делянку.
На двадцать лет
запас там корчей.
В этом году
в хате Никифора
живу я...
А в огороде
цветут маки.
Говорят люди,
будто в войну
Никифор отводил людей в партизаны.
Он знал Бажон, как никто,
знал где завязнешь в болоте,
где пройдёшь, не замочив подмётки.
Говорят люди,
что Никифор отводил
евреев в партизаны
за золото,
то есть не всех отводил,
а только тех, у кого оно было.
То есть не по доброте сердечной,
а за мзду.
Я сижу в его хате,
в окно видны маки.
Смотрю на белые и сиреневые лепестки маков,
на то, как лепесток выходит из своего укрытия,
распрямляется,

испускает радостный вздох
 навстречу солнцу
 и думаю об этом.
 Мне не хочется верить,
 что Никифор отказался бы
 спасти
 моего отца
 из-за того, что у него не было золота.
 У него никогда не было даже часов,
 не то что золота.
 Не хочу думать,
 что забыл бы
 полувековую дружбу,
 пешую ходьбу по Полесью
 в поисках сосновых делянок.
 Никифор умер девяноста шести лет,
 прося, чтобы его хата и после его смерти
 не поросла бурьяном.
 Нет, такого Никифора не купишь
 Золотишком.
 Этим летом живу в его хате,
 А в огороде дышат и кивают головами
 Белые и сиреневые маки.

* * *

О, Верхутино
 с ливнем лилового вереска,
 с фиолетовым черничником,
с розовостеклярусным брусничником,
 с белым мотыльком над жёлтым цветком зверобоя.
Мгновенный швырк ящерицы
 питает душу целительной радостью.
 а сегодня фильм Висконти,

пишущая машинка на столе,
стихи...
О, село Верхутино,
о, дожить бы до твоего фиолетово-васильково-жёлтого
брусничного
июля
ещё раз...

* * *

До чего я люблю
летним вечером
сидеть у дома Звягинцевых
на их лаве...

.....

...Неба голубизна густеет,
воздух густеет,
идут, пыля, с выгона коровы,
и Ганна Шила
спешит с литровой банкой
к Соне Звягинцевой
за молоком.

Ганну и Соню,
когда Ганна и Соня
были такой малышнёй,
как Андрюша и Оля,
как Ванюша -
знал мой отец.

И потому мне душевно здесь,
в этой деревне,
деревне молодости моих родителей, -
зыбке моего детства.

Потому меня тянет сюда,
потому интересно мне всё здесь.

Каждая, может быть, для других - мелочь,
мне кажется достойной стиха.

Воспоминание о Настасье Пархимович

...Надо быть немного не от мира сего,
чтобы понять,
что такое
эта Настя,
чтобы ею любоваться.
А если этого - не от мира сего - нет,
то Настя может показаться
нелепой.
Конечно,
как и её невестка.
Настя тоже знала,
когда надо сажать картошку,
когда выкапывать,
когда косить сено,
как сено сушить,
грести
и смётывать в копны.
Умела выкормить кабанчика,
засолить сало,
наделать колбас.
Но Насте не нужно было
ни форсистой одежды,
ни обильной еды,
ни денег,
без чего не знает счастья её невестка.
Потому что Настя
была сказочницей.
Ещё в детстве
в лесу она увидела

цветок папоротника,
и на всю жизнь он очаровал её.
И мне она сказала:
- Пойди,
донька,
в лес, в ночь на Ивана Купала,
стань, где дороги крыжятся
у папоротника.
Приглядись,
и ты увидишь чудесный цветок
(убачыш чароуную кветку)
и в ту же минуту
что каждая травка говорит,
услышишь -
(што кожная траука гаворіць -
пачуеш).

Чему меня научила Настя

...Мы выходили из дому
до зорьки.
А возвращались,
когда солнце гасло.
Мы потрудились
и надышались лесом.
Надышались лесного духа:
запахами мха, грибов, лесных цветов, трав,
наслушались птичьего гомона,
шума сосен -
унесли бодрость леса
в глазах.

Так Настя научила меня видеть малый предмет жизни,
научила надежде
что так же, по ягодке, - как можно собрать ведро ягод, -
можно собрать впечатленья души.

Надо только собирать терпеливо.

И сорок лет спустя

я помню дорогу

в тумане,

с первыми лучами зари

и до того, пока солнце гасло.

Золотой стог

Не тогда дождь,

когда просят,

а когда косят.

Но это сено

косили, сушили,

ворошили, стоговали

при ясном солнышке.

Стоит золотой стог.

Светлым золотом

переливаются бока стога,

сияет ясным золотом

поднятая к небу голова,

сияет-переливается

цветным золотом

июльских трав.

Золотой этот стог

рядом с тёмными стогами

(их четыре, -

которых не успели состоговать в ведро), -

как сама молодость.

* * *

За золотым стогом - поле ржи.
За полем ржи - лес.
А у самого леса
вытянула узкое тело
Ареса.
Ветер приносит мне запах реки
и запах луговых трав.
Приносит запах ржи
И запах ближних цветов,
которые растут на обочине дороги.
Здесь и медосладостный чабрец,
и дурмящая пижма,
и анис,
и золотая розга.
Здесь и васильки,
И ромашки -
каких только цветов
нет на обочине песчаной дороги
у золотого стога.
Каких только трав и цветов запах
не поднимает тёплый вечерний вечер.
Доносит до меня,
шевелит дыхание,
радует и печалит,
потому что радость видеть и дышать здесь
столь велика,
что она граничит с печалью.

* * *

- Сегодня мой день рождения, -
говорит Левониха, - я трошки выпила,
извините меня.

Ваш папа знал мою жизнь,
что я пережила, -
говорит Левониха.
Она плачет,
а я не знаю
как её утешить,
ведь я не знаю её жизни
и не могу найти нужных слов.
Потом я узнаю,
что у Левонихи было десять человек детей,
осталось семеро.
А сын Иван женился на еврейке.
Просила Левониха Ивана
не брать Лилю.
Просила Лилю
не идти за Ивана:
- Лиля, дочушка,
ён Иван колхозный,
а ты учительница.
А Лиля в ответ:
- Мамочка, мамочка...
Только и говорит:
- Мамочка, мамочка...
А теперь уже внук Левонихи
от Ивана и Лили женился.
- Как вас зовут? - спрашиваю я, -
все называют вас Левониха.
Но ведь у вас есть имя.
- Юзефа, - говорит Левониха.
- Вы полька?
- Полька.
Мне нечего подарить ей
и я иду домой,
срезаю три астры,
одну - белорозовую,
и две - белопрозрачные.
Два бутона.

Один - полураспустившийся,
нацеленный на цвет.
 Другой - в завязи.
 Ставлю в воду,
 в бутылку из-под молока
 и несу Юзефе.
 - Цветы! Целую вас! -
 восклицает Юзефа.
 Уходя,
 через неплотно прикрытые двери
 я вижу,
 что она целует цветы.
 Она целует белолиловый,
 а потом белорозовый.

* * *

Мы сидим в хатке Зины.
 Нас четверо:
 Зина, Маина, Лева, я.
 Я сижу на диване,
 над которым висит портрет Антонины.
 Мне хочется смотреть на её лицо,
 и я всё время поворачиваю голову к портрету.
 Вижу юное нежное строгое девичье лицо
 с прямыми честными неуступчивыми глазами.
 Зина сидит на стуле у русской печи.
 Маина рядом на сундучке.
 Лева поодаль у дверей на стуле.
 Свет не зажжен. Сумерничаем.
 Лакомимся печеными грушами,
 это опад бэры,
 которые Зина печёт на сковороде в печке.
 Мы говорим.
 О многом.
 Нам хорошо.

Мы доверяем друг другу.

Мы друг друга уважаем.

Мы честные люди.

Мы работающие.

Мы не врущие.

Общаться нам - счастье.

Сурова жизнь этих людей деревни. Но с каким достоинством проходят они по ней. В авторской речи звучит сдержанная гордость и восхищение этими людьми нескончаемого труда, их силой духа и естества. Звучит и другая - тайная гордость. Гордость от сознания причастности по рождению к их кругу...

* * *

...Особенно старались двое.

Друг перед другом своё искусство
показывали.

Один соловей щёлкал дробно-дробно, тонко-тонко.

Другой соловей трель рассыпал самозабвенно.

На лужайке,

у межи с полем ячменя,

паслась краснорыжая лошадь.

Лошадь едва-едва помахивала хвостом,

подставляя песенкам чуткие уши.

Тение соловьёв,

краснорыжая лошадь,

жёлтого колера стежка

в голубозелёном лоснившемся ячмене -

всё это тешило,

утешало,

радовало.

В Верхутине, говорят, было много соловьёв.

За Смолокуром,

аж до того места, где сейчас канава,

болота были.

В кустах,
 в лиственных лесах
 было столько соловьёв,
 что вечерами
 запоют-засвищут-защелкуют
 аж на двенадцать голосов.
 Казалось, болото шевелится,
 кусты, леса шевелятся:
 Верхутино - соловьиное царство.

* * *

Солнце светило
 Шёл дождь
 Цветастой дугой
 Встала радуга.
 Дождь
 Солнце
 Радуга
 Поля
 Хаты вдали
 На кладбище кресты
 Памятники
 Оградки узорные
 Яблоки блюда стаканы рюмки
 Сосны
В изжелтасеребряном
Сказочнооранжевом
Преображении.

* * *

Какими длящимися
 для памяти

бывают минутные встречи!
У магазина белокаменного одноэтажного,
с бетонными - в две ступеньки сходнями, -
ко мне неожиданно
быстрыми шагами
подошла женщина.
Назвала себя Таней.
Таня была под хмельком.
Бог обидел её,
не дал ей детишек...
Лет двадцать тому назад
хлопчик пяти лет, Вася,
напросился жить к Тане
(сын сестры из Петрозаводска).
Берегла Таня парнишку
пуще глаза во лбу.
Утром поднесёт ложку мёда
с парным молоком.
Самую крупную землянику,
самую крупную малину -
Васе.
А когда заболел,
закутала его в одеяло,
остановила тепловоз,
повезла в Старые Дороги, в больницу.
Когда через полгода
приехала родная мать,
он даже не узнал её.
Потом поскучнел,
и вот они уезжают.
Таня поехала провожать,
чтобы ещё побыть с Васей.
Застучал поезд колёсами,
а Вася скажи Тане слова,
которые запеклись у неё в сердце:
- Ты здесь больше не нужна, -
сказал Вася, глядя на Таню

прямыми васильковыми глазами...
 ...И вот прошло двадцать лет.
 Или чуть поменьше.
 Или чуть поболее.
 Однажды погожим осенним утром,
такая была тишь,
что осина листьями не стрекотала,
 У дома Тани остановилась машина.
 На МАЗе дальнего следования, -
 Рейс
 Петрозаводск - Киев - Минск - Вильнюс, -
 Вася.
 Дав двести километров крюка,
 заехал к Тане.
 Побыл два дня.
 Вот и всей радости
 Тане.

...Так, Таня,
нам любить -
так всем сердцем,
а нас как любят -
мы не вольны...

Вполне возможно, что ознакомившемуся со стихами А. Майзель будет любопытно сопоставить своё впечатление с мнениями специалистов-профессионалов. Тривожу эти мнения:

«...Вы так сочетаете слова, что как бы создаёте иную реальность, очень правдивую, но иную - как бы отражение в зеркале - обладающую тем обаянием, которое свойственно только произведениям искусства».

Из письма Д.Я. Дара от 2.11.78.

«...За Вашими стихами встаёт такая цельная личность и так честно (искренне) раскрытая (распахнутая), что это вызывает изумление».

Из письма Д.Я. Дара от 10.12.78

«...Ваши работы, жанр которых мне трудно определить, я воспринимаю ассоциативно как своеобразный белый стих. Особо трогает глубина мысли, трагедия души, непосредственность эмоций обнаженной образности».

Из письма А.Д. Виноградовой от 5.03.91

«...Я небольшой ценитель (и знаток) современной поэзии, но Ваши стихи прочитал с огромным интересом, что-то в них есть чарующее и притягательное...»

Из письма Василя Быкова от 3.04.90

Книга стихов А.Л.Майзель издана тиражом 250 экземпляров.

Как с грустной усмешкой говаривал Александр Сергеевич:
«Издали и - в Пету бух!..»

Но не хотела душа мириться с этой суровой правдой. Тайная надежда оказалась сильнее... Надежда на то, что ещё кто-то взглянется в строки стихов поэта, и сердцем невольно откликнется на глубинный свет непосредственного чувства.

3.07 - 3.09.15